перебил его на полуслове Листницкий.

— Садитесь, сотник, на двуколку. Поезжайте. — Скрасился доктор ~~и [illegible] сокрушенно мотая гривастой головою~~. И пох фамильярно покрутил пуговицу на шинели сотника, уронил сдержанным басом [illegible] сочувствия.

— Ведь вы подумайте, сотник, протряслись двести верст в скотских вагонах для того, чтобы ~~от перебрасываться~~ стоятся тут без дела, в то время как там на том участке, откуда ~~наш~~ мой лазарет переброшен, два дня шли кровопролитнейшие бои, ~~и~~ осталась масса раненых ~~срочно~~ которым срочно нужна была наша помощь. (Доктор с злым сладострастием ~~произносил~~ повторял „кровопролитнейшие бои“, налегая на „р“, раздраженно.)

— Чем же объяснить эту несуразицу? — из вежливости поинтересовался сотник.

— Чем? — доктор иронически вздернул на вершок брови, рявкнул: — безалаберщиной! бестолковщиной! глупостью начальствующего состава, вот чем! Сидят там мерзавцы и ~~вот~~ путают! Нет распорядительности, нет, просто нет здравого ума! Помните Вересаева „Записки врача“? Вот-с. Повторение в квадрате-с!

Листницкий откозырял, направился к транспорту, вслед ему, сотрясая багровотонкие сетки щек, каркал сердитый доктор:

— Проиграем войну, сотник! Японцам проиграли и не поумнели. Шапками закидаем. Там что уж там. — И пошел по путям, перешагивая лужицы, завернутые нефтяными блестками радужными, сокрушенно мотая ~~гривастой~~ [illegible] головой.

Абз. Смеркалось, когда лазарет подъехал к Березнягам. По белому щетинцу жнивья рыскал ветер. На западе корячились, громоздясь, тучи. Сверху фиолетово-черные, ~~[illegible]~~ они таили чудовищную свою окраску и, меняя тона, сини на тусклую равнину неба нежно-сиреневый дымчатый отсвет. В середине вся эта бесформенная громада, набитая, как ~~льдины~~ крыги в ледоход на заторе, раскачивалась, и в ~~[illegible]~~ [illegible] невеликом ~~[illegible]~~ струился поток закатных апельсинного цвета ~~[illegible]~~ лучей. ~~закатного солнца~~. Он расходился празднующим веером, преломляясь, и палевый ~~[illegible]~~ вонзался отвесно, а ниже пролома неописуемо сплеталась в вакханальный спектр красок.

У придорожной канавы лежала пристреленная рыжая лошадь. Задняя нога ее, дико задранная кверху, блестела полустертой подковой. Листницкий, подтягивая на